

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. Т. Камалова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье автор анализирует влияние на становление советской системы правоохранительных органов теоретических воззрений большевиков на законность, возможность построения социализма в одной стране. Рассмотрено дальнейшее развитие В. И. Лениным учения К. Маркса о диктатуре пролетариата, о революционном насилии. Автор приходит к выводу, что теоретическим обоснованием практической деятельности большевиков в годы новой экономической политики было понимание, что государство переходного периода есть диктатура пролетариата, осуществляется она авангардом рабочего класса – коммунистической партией, а карательные органы государства есть «органы осуществления воли партии».

Ключевые слова: государство, революция, правоохранительные органы, диктатура пролетариата, революционное насилие, демократия, новая экономическая политика.

Становление и развитие советской правоохранительной системы проходили под влиянием сложного переплетения различных факторов: теоретических взглядов большевиков на государство и право, конкретно-исторических условий России начала XX века. Согласно теории К. Маркса и Ф. Энгельса социалистическое государство и право возникают не эволюционным путем, а в результате социалистической революции. В Манифесте Коммунистической партии говорилось о «ниспровержении господства буржуазии, завоевании пролетариатом политической власти» [5, с. 206]. Важной закономерностью и одновременно предпосылкой становления и развития социалистического государства и права, согласно марксистской доктрине, являются слом старой государственной машины, уничтожение буржуазного аппарата. К. Маркс писал, что «все перевороты лишь усовершенствовали государственную машину» «вместо того, чтобы сломать ее» [6, с. 27]. Развивая эту мысль, В. И. Ленин убеждал, что «революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины» [8, с. 114].

Сущностью нового государства, функционирующего в переходный период, является

диктатура пролетариата. К. Маркс в работе «Критика Готской программы» обосновал положение о диктатуре пролетариата: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [7, с. 189, 611]. Понятие диктатуры пролетариата неразрывно связывалось его авторами с революционным насилием [9, с. 357, 358]. Содержание теории диктатуры пролетариата в российском варианте модифицировалось в тесной связи с политической обстановкой и потребностями правящей партии. В. И. Ленин придавал принципиальное значение признанию диктатуры пролетариата. Он писал: марксист лишь тот, «кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*» [10, с. 194, 195, 257]. В. И. Ленин в своих работах развил многие стороны диктатуры пролетариата и вопросы, связанные с ней. Им диктатура пролетариата мыслится как явление, не совместимое с демократическими нормами жизни общества, например, с равенством граждан, законностью, обеспечением прав личности [11, с. 243, 244] и другими «буржуазными» институтами и лозунгами. Таким образом, советское государство изна-

чально не могло соблюдать права человека и гражданина – отсюда и специфика деятельности правоохранительных органов.

В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Ленин отметил, что «диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение (или существенное ограничение, что тоже есть один из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура» [10, с. 244, 245]. Это положение предопределило дальнейшую политическую и юридическую линию советской власти по отношению к непролетарским партиям и слоям населения. Демократии для них и не предполагалось.

Особенность советского государства заключалась и в неограниченности, и в безраздельности власти. Вслед за К. Марксом В. И. Ленин рассматривал отделение исполнительной власти от законодательной как особенность парламентаризма, к которому марксизм относился отрицательно. Слияние же различных ветвей власти В. И. Ленин оценивал как достоинство советской системы. Что касается судебной власти, то в Конституции РСФСР 1818 года о ней даже не упоминалось, непосредственный контроль судебной практики осуществлял наркомат юстиции. Высшие органы власти – Всероссийский съезд Советов, ВЦИК и СНК – различались местом в иерархии, а не функциями. На практике между этими органами наблюдались постоянные трения: например, ВЦИК имел право приостанавливать, изменять и отменять любое решение СНК, но фактическая власть находилась в руках Правительства, так как именно оно непосредственно осуществляло мероприятия, требовавшие неотложного выполнения.

Принципиальное значение имел и другой тезис В. И. Ленина о том, что «диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами. Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, не связанная никакими законами» [12, с. 55, 56]. Такое представление о государстве выдвигает его в качестве главного фактора общественных преобразований методами насилия, беззакония. Человек должен быть все-

цело подчинен политической власти, не знающей над собой силы закона. В практике правоохранительных органов двадцатых годов это означало отбрасывание не только старых царских законов, но и пренебрежение к собственным законоположениям, издание секретных циркуляров, ведомственных предписаний, противоречивших им или их игнорировавших.

В. И. Ленин различал «насилие вообще» и «революционное насилие». Отрицая «насилие вообще» как реакционное, он считал, что «социализм не против революционного насилия» [10, с. 265–266; 12, с. 7, 55, 56]. Такая трактовка принуждения полностью оправдывала любые насильственные методы проявления пролетарской власти. Причем, если в первые годы советской власти необходимость в революционном насилии связывалась с сопротивлением эксплуататорских классов, то в двадцатые годы круг классов и социальных слоев, против которых пролетариат должен применять революционное насилие, стал чрезвычайно широким: «масса мелкой буржуазии», «кулаки», «буржуазные специалисты» [12, с. 369, 370].

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость сочетания насилия с организационной и экономической деятельностью государства. «Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического порядка и организации. И тогда оно может временно потерпеть неудачу, но и «непобедимо» [12, с. 386, 387]. Так формировалась концепция, что не только во время революции, но и при социализме насилие остается действенным методом руководства обществом. В статье «Привет венгерским рабочим» В. И. Ленин говорит о сопротивлении революционному перевороту не только со стороны капиталистов и их приспешников, буржуазной интеллигенции, но со стороны «громкой массы слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе» [12, с. 387, 388]. Это относится и к политическим партиям. «Если проявляются колебания среди социалистов, вчера примкнувшим к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, – советовал В. И. Ленин венграм, – подавляйте

колебания беспощадно. Расстрел – вот законная участь труса на войне» [14, с. 307, 308].

Насилие было направлено и против некоторых пролетариев. «Революционное насилие не может не проявляться и по отношению шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы». «Про расстрелы мы открыто говорили, мы говорили, что мы насилие не прячем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не сможем» [8, с. 96]. Ту же мысль развивает и Н. И. Бухарин: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это не звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» [1, с. 183].

Так, логика развития превращала идею диктатуры пролетариата, сформулированную К. Марксом как задачу временного переходного периода, в принуждение по отношению к любой части народа, не согласной с проводимой политикой. Согласно марксистскому пониманию государство и право не есть вечные и неизменные явления. По мере развития классового общества и постепенного отмирания классов государство и право как классовые институты также отмирают. При этом В. И. Ленин считал, что не следует искусственно форсировать этот процесс. Мы вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или конкретных формах отмирания» [13, с. 157, 158].

Важно также проследить эволюцию взглядов лидеров большевизма и по вопросу, кто же осуществляет диктатуру: весь рабочий класс, его «передовой авангард» – партия или специально созданные для этой цели органы государства. В высказываниях В. И. Ленина 1918–1920 гг. встречаются утверждения, что диктатуру осуществляет весь рабочий класс (в частности, через избирательную систему Советов). Но уже в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» (1919 г.) он достаточно откровенно указывает: «Диктатура рабочего класса проводится той партией большевиков, которая еще с 1905 г. и раньше слилась со всем революционным пролетариатом» [13, с. 360, 361]. «Только передовая часть рабочего класса, только его аван-

гард в состоянии вести свою страну» [14, с. 140, 141], – говорит В. И. Ленин на VIII Всероссийской конференции РКП (б). А в «Письме к организациям РКП о подготовке к партийному съезду» (1920 г.) разъясняет: «Наша партия ... должна была взять на себя и непосредственное осуществление задач диктатуры пролетариата со времени Октябрьской революции» [2, с. 50].

Таким образом, постепенно понятие «диктатура пролетариата» претерпело метаморфозу: «Сначала под нею понимается акция, действие революционных миллионов, напор бедноты, творческая воля массы пролетариев, поголовно образующихся в союзы... Однако наступает момент, когда даже самый тупой человек понимает бессмысленность мысли об управлении государством и индустрией миллионами еле грамотных людей... Нужно было два с половиной года экспериментов Советской власти, чтобы уточнить понятие диктатуры пролетариата» [3, с. 575]. Под нею стало пониматься руководство партии, а затем ее руководящие органы.

Наиболее четко идея реализации диктатуры пролетариата «передовым авангардом» сформулирована в работах В. И. Ленина и партийных документах периода НЭПа. На X съезде РКП (б) он подчеркнул: «Диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию» [16, с. 253]. В. И. Ленин сам признал невозможность непосредственного руководства обществом трудящимися. «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки...» [13, с. 134]. Диктатура партии устанавливается фактически с начала 1920-х г. Политбюро ЦК руководило государственными структурами вплоть до высших, не только определяло их стратегию, но и регламентировало повседневную работу. Так, 2 февраля 1922 г. Политбюро постановило, что наркомы могут передавать дела во ВЦИК лишь после предшествующего решения ЦК «для того, чтобы ВЦИКу не приходилось менять своих решений». Свидетельством официального признания положений ленинской концепции явилось принятие XII съездом РКП (б) названия существовавшей в России формы диктатуры пролетариата «диктатура партии» [4, с. 406]. Съезд подчеркнул: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры ее

передового авангарда, т.е. компартии» [4, с. 335].

Теоретическое обоснование отрицания большевиками многопартийности и фракционности как проявления буржуазного парламентаризма содержат материалы Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) (14–23 июля 1926 г.). В них отмечено, что «наличие политических партий (а также оформленных фракций единой партии) не совместимо с победоносной диктатурой пролетариата и по существу было бы ни чем иным, как тем или другим видом возрождения буржуазной демократии» [17, с. 385]. Поэтому в условиях пролетарской диктатуры «мы не признаем *самой почвы* буржуазного парламентаризма, «обычной (буржуазной) партийности» [4, с. 182, 183]. Это означало, что «реальный» социализм оказался несовместим с демократией, гражданскими свободами, и его формой выступила тоталитарная диктатура.

В двадцатые годы получает дальнейшее развитие ленинская идея о применении насилия в переходный период. Она нашла определение в партийных документах, в формуле обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму [4, с. 319]. Так, резолюции XI съезда партии содержат такие концептуальные установки, которые позднее станут основой выводов, оправдывавших ужесточение репрессий, а именно: «пока существуют классы, неизбежна классовая борьба» [4, с. 325]; «диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов» [4, с. 322]; «пролетариат является классовой основой государства, совершающего переход от капитализма к социализму» [4, с. 182, 183]. Наиболее развернуто это положение сформулировал Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) (16–26 апреля 1929 г.). «Рост социалистических форм хозяйства, вытеснение капиталистических элементов и связанный с этим рост сопротивления враждебных нам классовых сил неизбежно вызывают обострение классовой борьбы на этом переломном этапе социалистического строительства». «Пролетарская диктатура на данном этапе означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой борьбы» [4, с. 183]. Этим выводом была подведена теоретическая база под развертывание и оправдание массовых репрессий.

И. В. Сталин писал по этому вопросу: «Уничтожение классов достигается не путем

потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимо для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено» [18, с. 509]. Эта идея стала руководством к действию для суда, прокуратуры, ОГПУ и милиции, внедрялась в общественное сознание средствами массовой информации.

Разработка В. И. Лениным вопросов, связанных с понятием, целями, функциями диктатуры пролетариата, предопределила как теоретическую, так и практическую деятельность большевистской партии в двадцатые годы. На наш взгляд, справедливо мнение Л. А. Стешенко, Т. М. Шамба о том, что «Сталин и другие руководители коммунистической партии и советского правительства мало, что добавили к этому. Их дело прежде всего состояло в практическом воплощении провозглашенных идей» [19, с. 198]. Кроме того, В. И. Ленин обосновал и роль карательных репрессивных органов в осуществлении функций диктатуры пролетариата. Еще в 1918 году он писал: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, – нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом» [11, с. 174].

Таким образом, теоретическим обоснованием практической деятельности большевиков в годы новой экономической политики было понимание, что государство переходного периода есть диктатура пролетариата, осуществляется она авангардом рабочего класса – коммунистической партией, а карательные органы государства есть «органы осуществления воли партии» [20]. Это неизбежно рождало противоречия между линией партии и принципами рыночной экономики, политическими декларациями и практической деятельностью, то есть поворот к свертыванию НЭПа был предопределен.

Литература

1. Бухарин, Н. И. Проблемы теории и практики социализма / Н. И. Бухарин. – М.: Политиздат, 1989. – 512 с.

2. Валентинов (Вольский), Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭПа. Воспоминания / Н. Валентинов (Вольский). – М.: Современник, 1991. – 365 с.
3. Десятый съезд РКП (б). Стеногр. отчет. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 612 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 2. – 543 с.
5. Маркс, К. Соч.: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. литер., 1957. – Т. 8. – 708 с.
6. Маркс, К. Соч.: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. литер., 1957. – Т. 19. – 670 с.
7. Маркс, К. Соч.: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Гос. изд-во полит. литер., 1957. – Т. 20. – 827 с.; Т. 18. – 807 с.
8. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 33. – 433 с.
9. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 35. – 599 с.
10. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 36. – 741 с.
11. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 37. – 747 с.
12. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 38. – 579 с.
13. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 39. – 623 с.
14. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 40. – 506 с.
15. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 41. – 695 с.
16. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 42. – 606 с.
17. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литер., 1981. – Т. 43. – 561 с.
18. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма / И. В. Сталин. – М.: Гос. изд-во, 1934. – 611 с.
19. Стешенко, Л. А. История государства и права России: в 2 т. / Л. А. Стешенко. – М.: Изд-во НОРМА, 2003. – Т. 2. – 471 с.
20. Правда. – 1926. – 20 июля.

Камалова Галина Тимофеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: kamalova_galina@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 18 марта 2014 г.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2014, vol. 14, no. 2, pp. 16–21

SOVIET MODEL OF LAW-ENFORCEMENT SYSTEM: THEORETICAL ASPECT

G. T. Kamalova
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

In this article the author analyzes the influence of the Bolsheviks' theoretical views on formation of the Soviet system of law enforcement authorities, legality and possibility of socialism in one country. Further development of K. Marx's doctrine on dictatorship of the proletariat and revolutionary violence is considered by V.I. Lenin. The author comes to the conclusion that theoretical basis for practical activity of the Bolsheviks in days of new economic policy is the understanding that the state of a transition period is dictatorship of the proletariat, it is performed by vanguard of the labouring class that is the communist party, and retaliatory bodies of the state are the bodies which implement the will of the party.

Keywords: state, revolution, law enforcement authorities, dictatorship of the proletariat, revolutionary violence, democracy, new economic policy.

Referens

1. Bukharin N. I. *Problemy teorii i praktiki sotsializma* [Problems of theory and practice of socialism]. Moscow, 1989, 512 p.
2. Valentinov (Vol'skiy) N. *Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina. Gody raboty v VSNKh vo vremya NEPa. Vospominaniya* [New Economic Policy and the crisis in the Party after Lenin's death. Years of work in the SEC during the NEP. Memories]. Moscow, 1991, 365 p.
3. *Desyatyy s"ezd RKP (b). Stenogr. otchet* [Tenth Congress of the RCP (p). Verbatim transcripts. report]. Moscow, 1921, 612 p.
4. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. T. 2* [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums: Vol. 1]. Moscow, 1970, 543 p.
5. Marks K. *Sochineniya v 30 tomah. T. 8* [Works in 30 volumes: Vol. 8]. Moscow, 1957, 708 p.
6. Marks K. *Sochineniya v 30 tomah. T. 19* [Works in 30 volumes: Vol. 19]. Moscow, 1957, 670 p.
7. Marks K. *Sochineniya v 30 tomah. T. 20* [Works in 30 volumes: Vol. 20]. Moscow, 1957, 827 p.
8. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 33* [Complete Works: Vol. 33]. Moscow, 1981, 433 p.
9. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 35* [Complete Works: Vol. 35]. Moscow, 1981, 599 p.
10. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 36* [Complete Works: Vol. 36]. Moscow, 1981, 741 p.
11. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 37* [Complete Works: Vol. 37]. Moscow, 1981, 747 p.
12. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 38* [Complete Works: Vol. 38]. Moscow, 1981, 579 p.
13. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 39* [Complete Works: Vol. 39]. Moscow, 1981, 623 p.
14. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 40* [Complete Works: Vol. 40]. Moscow, 1981, 506 p.
15. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 41* [Complete Works: Vol. 41]. Moscow, 1981, 695 p.
16. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 42* [Complete Works: Vol. 42]. Moscow, 1981, 606 p.
17. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 43* [Complete Works: Vol. 43]. Moscow, 1981, 561 p.
18. Stalin I. V. *Voprosy leninizma* [Problems of leninism]. Moscow, 1934, 611 p.
19. Steshenko L. A. *Istorija gosudarstva i prava Rossii. T. 2* [History of State and Law in Russia: Vol. 2]. Moscow, 2003, 471 p.
20. *Pravda [True]*, 1926, July 20.

Galina Timofeevna Kamalova – Doctor of Science (History), Professor of Theory and History of State and Law Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: kamalova_galina@mail.ru.

Received 18 March 2014.